

Научная статья
УДК 351.745.7
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-211-217>

Проблема определения и толкования понятия «защита тайны» в оперативно-розыскной деятельности

Андрей Иванович Тамбовцев, кандидат юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилутова, д. 1), Российская Федерация
bestcopat@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0004-9418-7060>

Аннотация:

Введение. Оперативно-розыскная деятельность объективно связана со сведениями оперативно-розыскного характера, которые содержат служебную или государственную тайну и должны быть гарантированно защищены от несанкционированного распространения. Правоприменительной практикой выработаны вполне действенные способы защиты тайн субъектов оперативно-розыскной деятельности, представляющие собой совокупность регламентно-режимных и негласно-конспиративных поведенческих актов носителей и пользователей этих тайн. В то же время среди ученых и правоприменителей до настоящего времени нет единства в понимании содержания понятия «защита тайны», что закономерно влечет различные подходы к ее реализации. Автором предпринята попытка проанализировать современные воззрения ученых и практиков на понятие «защита тайны» в рамках собственного исследования феномена негласности в оперативно-розыскной деятельности.

Методы. В исследовании применялись следующие методы: сравнительно-правовой и содержательного (контент) анализа нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы защиты государственных тайн; общенаучный диалектический и формально-логический методы при исследовании теоретических положений, определяющих категориально-понятийный аппарат института негласности в оперативно-розыскной деятельности и основы практической защиты тайн. Эти методы позволили выявить проблематику нормативной правовой регламентации защиты государственных и служебных тайн в области оперативно-розыскной деятельности.

Результаты. Основываясь на результатах анализа российского законодательства и многочисленных научных исследований, автор приходит к обоснованному заключению, что в настоящее время российское законодательство, регламентирующее оборот и защиту государственных тайн, содержит коллизионные нормы, порождающие их неоднозначное толкование, а потому нуждающиеся в коррекции. Автором предлагаются собственные аргументированные взгляды на отдельные понятия, используемые в законе о государственной тайне и способы защиты тайн.

Ключевые слова:

оперативно-розыскная деятельность, тайна, государственная тайна, частная теория негласности, негласность в оперативно-розыскной деятельности, обеспечение негласности, институт негласности, конспирация

Для цитирования:

Тамбовцев А. И. Проблема определения и толкования понятия «защита тайны» в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 211–217. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-211-217>.

Статья поступила в редакцию 04.02.2025; одобрена после рецензирования 09.04.2025; принята к публикации 20.06.2025.

Original article

The problem of defining and interpreting the concept of 'secret protection' in operative-investigative activities

Andrei I. Tambovtsev, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
bestcopat@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0004-9418-7060>

© Тамбовцев А. И., 2025



Abstract:

Introduction. Operative-investigative activities are inherently linked to confidential information, which may contain official secrets and must be reliably protected from unauthorised disclosure. Law enforcement practice has developed effective methods of secret protection of operative-investigative subjects, comprising a combination of regulatory, procedural, and covert-conspiratorial behaviour of keepers and users of this secret. However, there is no consensus on the interpretation of the concept of 'secret protection' among scholars and practitioners. This fact naturally leads to varying approaches in its implementation. The author attempts to analyse contemporary views of scholars and practitioners on the concept of 'secret protection' within the framework of his own study of the covert operations paradigm in operative-investigative activities.

Methods. The study employed comparative legal and content analysis of regulatory legal acts governing the protection of official secrets; general scientific dialectical and formal-logical methods in examining theoretical provisions defining the categorical and conceptual framework of the covert operations paradigm in operative-investigative activities and the foundations of practical secret protection. These methods helped identify issues in the legal regulation of official secret protection in the field of operative-investigative activities.

Results. Based on the analysis of Russian legislation and numerous scientific studies, the author concludes that current Russian laws regulating the handling and protection of official secrets contain conflicting norms leading to ambiguous interpretation, thus requiring correction. The author presents well-reasoned perspectives on certain concepts used in the Official Secrets Act and methods of secret protection.

Keywords:

operative-investigative activities, secret, official secret, private theory of covertness, covertness in operative-investigative activities, protection of undercover operations, principle of covert operations, secrecy

For citation:

Tambovtsev A. I. The problem of defining and interpreting the concept of 'secret protection' in operative-investigative activities // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 2 (106). P. 211–217. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-211-217>.

The article was submitted February 4, 2025; approved after reviewing April 9, 2025; accepted for publication June 20, 2025.

Введение

Продолжая изучение понятия «тайна», проводимое нами в рамках диссертационного исследования и рассмотренное нами в статье «Проблемы определения и толкования понятия „тайна“ в оперативно-розыскной деятельности», мы логично переходим к детальному анализу его функциональной производной – понятию «сохранение / защита тайны». Составляющая основу этого понятия реализация комплекса неких действий по сохранению каких-то сведений в тайне от окружающих и предоставляет возможность обеспечения требуемого состояния неведения (неосведомленности) лица, группы лиц или социума о какой-либо информации. Именно в действенном (функциональном) аспекте понятия «тайна» отражается сущность деятельности субъекта (носителя) по ее защите. И здесь важнейшим нам видится именно двойственный характер понятия «информация», лежащего в основе понятия «тайна», т. к. именно эта особенность (дуалистичность) определяет характер и способы сохранения такой информации в секрете. В свете сказанного следует констатировать, что тайну может представлять информация в виде сведений о классических для теории оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) объектах учета – фактах (событиях), предметах (вещах), лицах¹, либо непосредственно сами перечисленные объекты учета (в т. ч. – некие действия / события), являющиеся информационным отражением существующей действительности. Нами выдвигается и обосновывается тезис, что именно дуалистичный характер информации как отражения бытия в окружающем мире определяет способы защиты этой информации от распространения, а также правовые нормы, регламентирующие понятийный аппарат и функциональную деятельность по непосредственной защите.

Методы

Для всестороннего анализа понятийно-категориального аппарата рассматриваемой области и практики защиты государственных тайн в сфере оперативно-розыскной деятельности применялись общенаучный диалектический, сравнительно-правовой, формально-логический методы и метод контент-анализа действующих положений нормативных правовых актов, регламентирующих правоотношения в указанных областях. Это позволило выявить проблемы теоретического и практического характера в части формирования и использования специального профессионального тезауруса и определения действенных способов по защите государственных тайн в сфере ОРД.

¹ См., например: Дубоносов Е. С. Оперативно-розыскная деятельность : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2013. С. 204 ; Хармаев Ю. В. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие. Улан-Удэ: Издательство Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, 2015. С. 65 ; Алферов В. Ю., Гришин А. И., Ильин Н. И. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие / под общ. ред. В. В. Степанова. 3-е изд., испр. и доп. Саратов : Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016. С. 102 ; Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : учебник / Шагапсов З. Л. [и др.] ; под ред. З. Л. Шагапсоева, Н. П. Голяндина. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2016. С. 101 ; Назаров С. В. Основы оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургская юридическая академия, 2018. С. 160 и др.

Результаты

Анализируя содержание одного из основных нормативных первоисточников в данной сфере – Закона от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне»² (далее – Закон о государственной тайне), а особенно – ст. 2 «Основные понятия, используемые в настоящем Законе» и раздела VI «Защита государственной тайны», можно обнаружить, что данный Закон оперирует сразу несколькими важными для нашего исследования понятиями и конструкциями, закладывая изначально как основы, так и некоторую коллизионность их непосредственного применения в сугубо теоретической (научно-исследовательской) и непосредственно правоприменительной сферах.

Во-первых, закон использует конкретный термин «защита государственной тайны» (не охрана, не сохранение, не соблюдение и пр.) для обобщенного определения системы активных действий по обеспечению этой самой защиты, тем самым официально вводя его в юридическое (правовое) поле. Но при этом само определение данного понятия в законе не дается. Оно оставлено на усмотрение непосредственного правоприменителя и тем самым создает изначальную неопределенность и от того – научную и юридическую спорность при толковании рассматриваемого правового термина (понятия).

Во-вторых, упомянутая защита согласно данному положению осуществляется в отношении именно сведений (задокументированной информации), а не информации как таковой, т. е. объективного феномена отражения действительности, что, по нашему убеждению, существенно сужает как круг потенциальных объектов, нуждающихся в защите, так и функциональную составляющую по ее (защите) реализации, на что мы уже указывали выше.

В-третьих, косвенно закон декларирует, что защита сведений направлена на их нераспространение, т. к. обратное (а именно – распространение) повлекло бы причинение военного, экономического, политического и пр. ущерба государству. Этим опять же на уровне федерального законодательства ограничиваются возможности соответствующих субъектов по защите государственной тайны, а также непосредственных субъектов оперативно-розыскной деятельности, нуждающихся в защите не только сведений (т. е., как указывалось выше, задокументированной информации об объектах учета), но и самих объектов – лиц, предметов, событий.

К тому же, если основываться на значении понятия «распространение информации», официально декларированном в п. 9 ст. 2 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе» иного правового первоисточника – Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации»³ (далее – Закон об информации), то под ним следует понимать «действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц», т. е. целенаправленные действия обладателя такой информации по ее предоставлению бесконечному числу третьих лиц. В свете положений обоих рассматриваемых законов получается нонсенс – государство пытается защитить от распространения сведения, которые само же целенаправленно и распространяет среди неопределенного круга лиц.

Вышеизложенное указывает на неполное соответствие норм Закона о государственной тайне в такой регламентируемой им сфере государственной деятельности, как защита тайн (государственных, служебных, профессиональных), а также на несоответствие друг другу норм Закона о государственной тайне и Закона об информации, информационных технологиях и защите информации.

Некоторыми недостатками, аналогичными вышеуказанным, страдает и упомянутый выше Закон об информации. Статья 16 «Защита информации» данного закона дает следующее определение рассматриваемому понятию: «Защита информации представляет собой принятие правовых, организационных и технических мер, направленных на:

- 1) обеспечение защиты информации от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения, а также от иных неправомерных действий в отношении такой информации;
- 2) соблюдение конфиденциальности информации ограниченного доступа;
- 3) реализацию права на доступ к информации»⁴.

² О государственной тайне : Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1997. № 41. С. 8220–8235.

³ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) / СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

⁴ Там же.

Считаем, что оно (определение) обладает фактически всеми вышеупомянутыми пороками Закона о государственной тайне. Главный из них – рассмотрение информации (и дальнейших действий с ней) исключительно в виде сведений, на что мы уже указывали выше.

Учитывая названные недостатки обоих законов и в целях всестороннего исследования сущности «защиты тайны» как таковой, рассмотрим некоторые интересные в контексте нашего исследования научные воззрения.

Одними из первых, кто еще во второй половине XX века касался данной тематики в части определения и классификации способов сокрытия преступления как способов сохранения тайны вообще, являлись Р. С. Белкин⁵ и В. А. Овечкин⁶. В обобщенном виде эти способы можно представить в следующем виде:

- 1) утаивание информации и / или ее носителей;
- 2) уничтожение информации и / или ее носителей (полное или частичное);
- 3) маскировка информации и / или ее носителей;
- 4) фальсификация информации и / или ее носителей;
- 5) смешанные способы.

Позднее аналогичная классификация способов сокрытия преступления (а по сути – информации) признавалась и использовалась в трудах иных исследователей [1, с. 68–70; 2, с. 115–119], что говорит о ее во многом универсальном характере.

Отчасти упомянутые авторы и их научные сторонники, придерживающиеся данных взглядов, правы – подобная классификация допустима, последовательна и в целом правильна при рассмотрении всех без исключения гипотетических способов и методов «защиты тайны», а особенно – с криминалистических позиций, если соотносить их (способы) с преступными намерениями правонарушителей и отсутствием в связи с этим каких-либо морально-нравственных или правовых ограничений у субъектов. Однако подобная авторская позиция (а значит, и классификация) неприемлема при исследовании вопросов защиты тайны исключительно правовыми методами и инструментарием, что и рассматривается нами. Так, исключительно с правовых и гуманистических позиций осуществления ОРД и иных правоохранительных государственных видов деятельности, представляется невозможным уничтожение «нежелательных» носителей информации – лиц, ставших ее случайными обладателями (свидетелями), тел (трупов) жертв со следами насилия или технических устройств (например, автомобильных регистраторов, автоматических камер наблюдения и пр.), как это делалось многими преступниками и в России, и за рубежом.

Основываясь на вышеуказанных работах Р. С. Белкина, В. А. Овечкина и других, а также на работах Стивена МакКорнэка, исследовавшего теорию манипуляции информацией и межличностного общения [3–5], современные исследователи делают вывод, что «защита тайны представляет и в научном, и в практическом плане достаточно сложный и многосторонний процесс сокрытия информации. Возникший у кого-либо интерес к объекту, к тем или иным его свойствам возможно предотвратить двумя основными способами: отсутствием информации в принципе (можно охарактеризовать неразглашением) или целенаправленным искажением истины (дезинформация). Причем в общественных отношениях и то, и другое всегда производится умышленно, сознательно»⁷. Одна из наиболее распространенных классификаций способов защиты тайны выглядит следующим образом:

- 1) управление (манипулирование) количеством распространяемой информации – отнесем к ним утаивание, укрывательство;
- 2) управление (манипулирование) качеством распространяемой информации – наиболее соответствуют искажение, модификация;
- 3) сообщение неверной информации – маскировка, дезинформация;
- 4) доведение неконкретной (двусмысленной) информации – амбилогия;
- 5) распространение отвлекающей информации, обеспечивающее перенаправление внимания от опасных для защищающего тайну фактов⁸.

⁵ См., например: Белкин Р. С. Курс советской криминалистики : [Для преподавателей, адъюнктов, соискателей и слушателей вузов МВД СССР]. Москва : Издательство Академии МВД СССР, 1979. Т. 3. С. 235–242 ; Его же. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. Москва : Юридическая литература, 1988. С. 218–220 и др.

⁶ См., например: Овечкин В. А. Общее положение методики расследования преступлений, скрытых инсценировками : дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1979. 267 с. ; Его же. Расследование преступлений, скрытых инсценировками : учебное пособие. Харьков : Харьковский юридический институт, 1979. 64 с. и др.

⁷ Попандопуло Д. В. Проблемы защиты государственной тайны в оперативно-разыскной деятельности : монография. Ростов-на-Дону, 2016. С. 11.

⁸ Там же. С. 12.

Признавая обоснованность и прагматичность представленных способов и их достаточно универсальный характер, считаем возможным и необходимым частично уточнить и дополнить их с позиции именно теории негласности в ОРД и смежных с нею видов деятельности.

Во-первых, по нашему мнению, в перечень способов сохранения тайны необоснованно не включена система нормативных предписаний по обращению с информацией, сведениями, носителями, источниками и т. п. тайны, т. е. некий регламент (совокупность правил) специального делопроизводства и режима секретности, что, несомненно, является одним из действенных инструментов защиты тайны как таковой. Хотя его история составляет уже несколько веков [6–8], но и в наше время целый ряд исследователей предметно рассуждают об этом действенном способе, доказывая его прагматизм и конечную эффективность в деле защиты государственных и служебных тайн⁹.

Во-вторых, признавая возможность использования лжи (обмана) в межличностных отношениях и более того – в правоотношениях государства с его субъектами – гражданами, организациями и прочими, считаем целесообразным акцентировать внимание на следующем. Как совершенно верно отмечено в работах профессора Ю. В. Щербатых, за тысячелетия существования человеческой цивилизации люди придумали тысячи способов обмана и выразили это в десятках синонимичных терминов – обмануть, оболгать, ввести в заблуждение, перехитрить, одурачить, провести, оставить в дураках, облапошить, задурить и т. д. [9]. Те или иные виды такой формы обмана, как «введение в заблуждение», давно, активно и вполне успешно используются во многих совершенно легитимных сферах жизнедеятельности – разведка, правоохрана, реклама, торговля, медицина и др. Но при этом очевидно, что некоторые из данных терминов (например – «обман», «ложь»), будучи по сути своей совершенно идентичными, являются изначально «негативно / антисоциально окрашенными» в своем субъективно-нравственном значении, и оттого – неэтичными, непригодными для использования в сферах государственной деятельности и особенно в сфере правоприменения, там, где ложь может являться по сути орудием совершения такого преступления, как мошенничество. В связи с этим считаем «политически» верным использование в научных и учебных изданиях и уж тем более в материалах средств массовой информации таких профессиональных терминов, как «дезинформация» и / или «введение в заблуждение», отражающих соответствующие им понятия и явления (виды деятельности субъектов ОРД), имеющие отношение к защите тайн в области ОРД и конспирации. Наше исследование значительного количества тематических публикаций свидетельствует, что именно это предлагается целым рядом правоведов, изучающих рассматриваемую проблематику [10–14].

В-третьих, целенаправленное искажение истины достигается не только дезинформацией как одним из действенных инструментариев ОРД, воплощаемым самостоятельно или в рамках негласного содействия лиц органам, осуществляющим ОРД, о чем ранее писали вышеуказанные исследователи и автор настоящей работы [15], но и другими методами (способами) – мимикрией (маскировкой внешности и поведения), легендированием, зашифровкой и прочим, о чем мы также ранее упоминали в своих научных трудах [16]. При этом и сама дезинформация / введение в заблуждение возможна не только коммуникативным способом – устной или письменной речью, но и иными способами доведения информации до нужных реципиентов – посредством органов чувств [17–20].

Как неоднократно отмечали наши предшественники [21; 22], сохранение тайны в процессе осуществления ОРД предполагает использование достаточно вариативного инструментария, включающего совокупность целенаправленных действий, вовлеченных в ОРД должностных лиц и иных участников по соблюдению широкого ряда правил, предписаний и запретов, позволяющих обеспечить определенную негласность в отношении сил, средств и методов ОРД, ее планов и результатов. Указанные правила и предписания могут иметь официальный характер, охватывать собой конкретную целевую аудиторию, и содержаться в обязательных к исполнению ведомственных и межведомственных нормативных актах. Либо они могут быть сформулированы в качестве выработанных долговременной оперативно-розыскной, разведывательной, военной и иной практикой рекомендаций по действиям оперативных работников и иных участников

⁹ См., например: Административное право Российской Федерации : учебник / Алехин А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. М. Москва : Зерцало-М, 2003. С. 40 ; Меркулова С. Н. Уголовно-правовая охрана профессиональной тайны : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. 205 с. ; Азовцев В. С. Правовая охрана секретных изобретений в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. 148 с. ; Делопроизводство и режим секретности в органах внутренних дел / Десятков М. С., Васильченко Д. А., Поправко А. С., Шипицын В. А. ; под. ред. М. С. Десятова. Омск : Омская академия МВД России, 2017. 68 с. ; Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : постатейный / Савченко А. И., Федоров А. Н. Изд. 4-е, перераб. и доп. Москва : Деловой двор, 2023. 310 с. ; Вершинина Е. С., Морозов О. Л., Горюнов В. Ю. Государственная и иная охраняемая законом тайна : учебное пособие. Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2022. 84 с. и др.

ОРД в различных оперативно-розыскных ситуациях. Безусловно, в обоих случаях речь ведется о различных по своему юридическому статусу основаниям, целевой аудитории и инструментарию содержательных аспектах деятельности по сохранению тайны. Сюда надлежит отнести следующие аспекты данной деятельности:

- допуск и доступ лица к сведениям, составляющим государственную или служебную тайну;
- обеспечение пропускного и внутриобъектового режима;
- соблюдение режима секретности;
- особый порядок делопроизводства;
- соблюдение правил конспирации – сокрытие (маскировка или легендирование) принадлежности субъектов или объектов к правоохранительной системе, характера и результатов их деятельности.

3 заключение

Исходя из сказанного, целесообразно отметить следующие способы защиты тайны:

1. Максимально полное сокрытие информации от посторонних лиц (в т. ч. от сотрудников оперативных подразделений, не имеющих к этой информации прямого отношения). Данный способ является достаточно условным: зачастую невозможно полностью скрыть информацию (в самом широком понимании этого термина) с учетом объективного характера многих событий, количества вовлеченных в эти события лиц, объектов, предметов и пр. Способ более относится к сведениям как виду задокументированной информации и скорее является неким гипотетическим идеалом, к которому следует стремиться, а не реальным прикладным способом защиты тайн ОРД.

2. Обеспечение конспирации при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и смежных с ней иных видов государственной деятельности.

3. Разработка, имплементация и использование правил специального делопроизводства и режима секретности – обязательного к строгому и точному исполнению набора требований и предписаний для работы со сведениями, составляющими государственную (или иную служебную) тайну.

При этом первые два способа фактически охватываются единой целью – обеспечение негласности – т. е. состояния постоянной или временной неосведомленности окружающих об истинной сути происходящего, хотя функционально эти способы «работают» совершенно по-разному.

Список источников

1. Трухачев В. В. Криминалистический анализ сокрытия преступной деятельности : монография. Воронеж : Воронежский государственный университет, 2000. 224 с.
2. Присекин А. В. Классификация способов сокрытия преступлений // Право и государство: теория и практика. 2011. № 3 (75). С. 115–119.
3. McCornack S. A. Information Manipulation Theory // Communication monographs. 1992. Vol. 59. P. 1–16.
4. McCornack S. A. Interpersonal Communication and You : An Introduction. Bedford, St. Martin's; 2014. 336 p.
5. McCornack S. A., Morrison K. The Essential Guide to Interpersonal Communication. 3rd edition. Bedford, St. Martin's, 2017. 80 p.
6. Жаров С. Н. Становление режима секретности в Российском государстве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2007. № 5 (274). С. 171–183.
7. Клименко О. П., Слободяник А. Ю., Шевчик Д. В. История развития делопроизводства в Российской Федерации / Интеграция Республики Крым в систему экономических связей Российской Федерации: теория и практика управления : материалы XII межрегиональной научно-практической конференции с международным участием, г. Симферополь, 28 октября 2016 г. Симферополь : Диайпи, 2016. С. 267–268.
8. Шматов В. М., Чурикова Н. А. История делопроизводства в России / Актуальные вопросы теории и практики в деятельности подразделений полиции по охране общественного порядка и иных служб ОВД : материалы I Всероссийской научно-практической конференции, г. Волгоград, 4 марта 2016 г. Астрахань : Научный центр «Олимп», 2016. С. 55–63.
9. Щербатых Ю. В. Психология лжи и обмана : методы искажения действительности, стратегия избегания обмана, способы выявления правды. Изд. 2-е, перераб. и доп. Ростов-на-Дону : Феникс, 2011. 284 с.
10. Образцов В. А., Бертовская Н. Л. Уголовно-релевантное дезинформирование: понятие и критерии допустимости // Уголовное право. 2010. № 2. С. 112–117.
11. Елисов П. П. Использование оперативной дезинформации и инсценировки при проведении оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и документированию коррупционных преступлений: мнение аналитика // Научный портал МВД России. 2015. № 2 (30). С. 54–60.
12. Омелин В. Н. Соотношение оперативно-розыскных мероприятий и иных смежных оперативно-розыскных действий // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 6. С. 9–12.

13. Дубоносов Е. С. Дезинформация криминальной среды при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 2. С. 27–33; <https://doi.org/10.24412/2071-6184-2021-2-27-33>.
14. Нелюбин Р. В., Шевченко С. В., Жабкин А. С. Дезинформация как оружие в информационной войне // Евразийский юридический журнал. 2022. № 4 (167). С. 402–403.
15. Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Содействие граждан правоохранительным органам как социально-правовой феномен : монография. Москва : Проспект, 2022. 344 с.
16. Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Оперативно-розыскной инструментарий : монография. Москва : Проспект, 2024. 304 с.
17. Образцов В. А., Андреев С. В., Бертовский Л. В. Использование дезинформации при выявлении и расследовании преступлений // Российский следователь. 2005. № 8. С. 2–6.
18. Алтухова Л. А., Шахов Н. Г., Дидрих И. В., Севенюк В. В. Модель распространения дезинформации / Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы : сборник материалов Международной научно-практической конференции, г. Воронеж, 23–24 мая 2018 г. Воронеж : Научная книга, 2018. С. 206–208.
19. Глазунова И. В., Ширкин Н. А. Криминалистическая дезинформация как элемент допустимых средств выявления и раскрытия преступлений // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2018. № 1 (45). С. 40–43.
20. Прохватилов В. В. Теория дезинформации. научные основы социального манипулирования // Информационные войны. 2021. № 4 (60). С. 18–24.
21. Проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : материалы научно-практической конференции / под ред. К. К. Горяинова, И. А. Климова. Москва : Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, 2002. 239 с.
22. Павличенко Н. В., Самоделкин А. С. Негласность в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России, 2012. № 3. С. 88–93.